



Научная статья

УДК 130.2+94(47):908

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-5-53-65

Культурный ландшафт Сицилии в образной памяти Марины Цветаевой

Нина Сергеевна Ищенко

Луганская государственная педагогическая академия

г. Луганск, ЛНР

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

niofterna@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу индивидуальной памяти Марины Цветаевой на примере сицилийского культурного ландшафта. Информатизация современного общества приводит к динамизации культурной памяти и возрастанию роли индивидуальной памяти в генерации текстов культуры и их интерпретаций. Сицилийский культурный ландшафт в мифопоэтическом мире Марины Цветаевой занимает особое место, поскольку на основе сицилийской топографии автор создает текст, смысл которого инвертирован по отношению к устоявшемуся восприятию Сицилии в европейской и русской культуре. С античных времен Сицилия представляла собой место встречи разных культур, ее ландшафт вошел в мифологию, историю и философию. Сицилия выступает как окультуренное пространство цивилизации. В творчестве Цветаевой сицилийский культурный ландшафт интерпретируется посредством двух стратегий прочтения ландшафтных текстов – путешествия и изучения литературных текстов о конкретной территории. Во время путешествия в 1912 году Марина Цветаева создала интерпретацию Сицилии как пространства сновидения, а во время освоения творчества Гёльдерлина в 1923–1925 гг. Сицилия и гора Этна становятся символом дикой природы, буйства страстей, выхода за пределы культуры и цивилизации, подлинности природных порывов человека. Индивидуальная память Цветаевой строится по системе мест, одним из которых является Сицилия, но эти топосы играют в пространстве памяти особую роль, обусловленную инверсией смыслов культуры в творчестве поэта.

Ключевые слова: Марина Цветаева, Фрэнсис Йейтс, память, виды памяти, культурный ландшафт, русская поэзия, русская литература, Сицилия

Для цитирования: Ищенко Н.С. Культурный ландшафт Сицилии в образной памяти Марины Цветаевой // Культурный ландшафт регионов. 2021. Том. 3. № 5. с. 53-65.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-5-53-65

Благодарность: я благодарю анонимного рецензента за детальные и убедительные советы по совершенствованию данной статьи.

Original article

Sicilian cultural landscape in the image memory of Marina Tsvetaeva

Nina S. Ishchenko

Lugansk State Pedagogical University

Luhansk, LPR

ORCID ID <http://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

niofterna@gmail.com

Summary: The article focuses on the analysis of the individual memory of Marina Tsvetaeva on the example of the Sicilian cultural landscape. The informatization of modern society leads to the dynamization of cultural memory and an increase in the role of individual memory in the generation of cultural texts and their interpretations. The Sicilian cultural landscape in the mythopoetic world of Marina Tsvetaeva occupies a special place, since, on the basis of Sicilian topography, the author creates a text whose meaning is inverted in relation to the established perception of Sicily in European and Russian culture. Since ancient times, Sicily has been a meeting place for different cultures; its landscape has entered mythology, history and philosophy. Sicily acts as a cultured space of civilization. In Tsvetaeva's work, the Sicilian cultural landscape is interpreted through two strategies for reading landscape texts - traveling and studying literary texts about a particular territory. During a trip in 1912, Marina Tsvetaeva created an interpretation of Sicily as a dream space, and during the development of Hölderlin's work in 1923–1925. Sicily and Mount Etna become a symbol of wild nature, a riot of passions, going beyond the boundaries of culture and civilization, the authenticity of man's natural impulses. Tsvetaeva's individual memory is built according to a system of places, one of which is Sicily, but these toposes play a special role in the space of memory, due to the inversion of the meanings of culture in the poet's creative world.

Key words: Marina Tsvetaeva, Francis Yates, memory, types of memory, cultural landscape, Russian poetry, Russian literature, Sicilia

For citation: Ishchenko N.S. Sicilian cultural landscape in the image memory of Marina Tsvetaeva. *Cultural landscape of the regions*. 2021. Vol. 3. № 5. P. 53-65. (In Russ.). DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-5-53-65

Acknowledgement: I thank the anonymous reviewer for his detailed and persuasive advice on improving this article.

Роль культурного ландшафта в формировании культурной памяти в настоящее время возрастает. Благодаря информационным технологиям, облегчившим доступ к разным культурным формам, культурная память динамизируется, трансформируется, постоянно генерируются новые интерпретации культурных текстов, как литературных, так и ландшафтных. Все эти интерпретации обогащают культурную память и включаются в дальнейшее развитие культуры. Индивидуальная память в настоящее время играет более важную роль, чем в дописьменную эпоху. Индивидуальные прочтения культурных ландшафтов создают новые тексты, вписанные в семиотическую ландшафтную среду. Одним из интересных примеров построения индивидуальной памяти является творчество Марины Цветаевой. Мифопоэтический мир поэта содержит в качестве важного топоса Сицилию и важный элемент сицилийского ландшафта – вулкан Этну. Рассмотрим место этих топосов в культурном ландшафте европейской и русской культуры, а также в индивидуальной памяти Марины Цветаевой.

Культурный ландшафт представляет собой семиотическую знаковую структуру. Эта структура включает топосы как знаки, формируя своеобразные текст, точнее, постоянно генерируя новые тексты. Существует несколько стратегий прочтения ландшафтных текстов. Самыми важными из них являются путешествие по данному ландшафту и изучение текстов о нем.

Культурный ландшафт выступает носителем памяти, как общественной, так и индивидуальной. Вся совокупность ландшафтных текстов и их интерпретаций представляет собой память культуры. Память культуры содержит как общекультурные смыслы, так и созданные на их основе индивидуальные тексты. В истории культуры рассматривают две основные системы памяти, исследованные Ф. Йейтс. Это система мест и система смыслов. Индивидуальную память можно строить по любой системе. Индивидуальная память, воплощенная в тексте культурного ландшафта, функционирует как метафора, объединяя разные знаки по принципу сходства или аналогии.

В настоящее время изменяется роль памяти в обществе. Память динамизируется, трансформируется, старые смыслы уходят, меняются, стираются, возникают в новых интерпретациях. В культурной ситуации XX–XXI века возрастает роль индивидуальной памяти. Творцами индивидуальной памяти выступают поэты и писатели, соединяющие в языковых текстах разные культурные артефакты, включая ландшафтные топосы. Изучение поэтических текстов, посвященных какому-либо ландшафту, позволяет лучше понять механизмы создания и функционирования культурной памяти и ее воплощения в ландшафте.

В данной статье остановимся на текстах Марины Цветаевой, посвященных Сицилии. Сицилия и ее топосы занимают в творчестве Марины Цветаевой заметное место. Для исследователя культуры эта тема особенно интересна, поскольку именно сицилийские топосы подверглись наиболее впечатляющей трансформации в текстах Цветаевой. Их значение в памяти культуры и в индивидуальной памяти поэта диаметрально противоположны.

В памяти европейских культур, а также в русской культуре, образы которой использует Цветаева, Сицилия выступает как территория культуры, давно и прочно освоенная человеком, место действия культурных героев, богов, полководцев и философов. Можно сказать, что с античности до наших дней Сицилия в культурной памяти представляет собой освоенное пространство, вошедшее в ядро культуры в качестве территории смыслов. Для Марины Цветаевой Сицилия

оказывается воплощением дикой природы и вневременной стихии сновидения. Силой своего поэтического таланта Цветаева вырывает Сицилию из привычного контекста и создает полностью отдельный мир острова как пространство реализации бурных страстей, некультурных порывов, безграничной любви и почти перевозданного хаоса, объединяющего волшебным образом несоединимые элементы. Рассмотрим семиотические основы формирования индивидуальной памяти Марины Цветаевой на основе культурного ландшафта Сицилии.

Как показывает современная исследовательница О. А. Лавренова в своей докторской диссертации, «культурный ландшафт представляет собой кластер геокультурного пространства и феномен культуры – систему матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией и/или имеющих на территории свое материальное выражение» [10, с. 13]. В понятии культурного ландшафта превалирует смысл, вносимый культурными элементами в природный ландшафт, и даже природные элементы рассматриваются в их отношении к человеку и его общественной жизни [8]. В культурном ландшафте постоянно происходят процессы семиозиса, то есть элементы культурного ландшафта наделяются тем или иным смыслом [10, с. 12]. Опыт реального взаимодействия человека с ландшафтом влияет на формирование смыслов культуры в топосах ландшафта.

Структура культурного ландшафта определяется как его физико-географическими реалиями, так и в гораздо большей степени системой ценностей и семиотической структурой культуры функционирования ландшафта. Взаимодействие этих двух сфер «порождает в культурном ландшафте узлы (центры) и периферии смысла, его внутренние (культурные разломы) и внешние границы» [10, с. 13].

Конкретный топос культурного ландшафта и его смысловой аспект выступают как знак. Географические объекты и/или их топонимы функционируют как смысловые категории или архетипы. Территориальная локализованность этих значений заставляет их выстраиваться в систему [10, с. 13]. Система топосов культурного ландшафта функционирует как текст. Взаимодействие знаков в культурном ландшафте динамично и изменчиво, коммуникация этих знаков представляет собой поле культурного взрыва, порождающего новые значения [10, с. 13].

Культурный ландшафт, рассмотренный как текст, может быть прочитан на разных уровнях. Заданная топографически связь элементов текста приводит к непрерывному семиозису, вариативности прочтения и генерации различных интерпретаций. Существует несколько стратегий прочтения ландшафтных текстов: визуальный анализ ландшафта, изучение художественных текстов о каком-либо регионе и путешествие. Визуальный анализ конкретного ландшафта позволяет зрителю считывать информацию с помощью семиотических кодов. Изучение языковых текстов о конкретном ландшафте создает тексты культуры разных уровней, формируя локальные, региональные, макрорегиональные ландшафты). Путешествие позволяет объединить несколько ландшафтов в иерархическую систему, продуцирующую новые значения и семиотические связи [10, с. 14].

Одной из важнейших функций культурного ландшафта является его особая роль в трансляции исторической памяти [4, с. 28]. Характерной чертой исторической памяти ойкумены является ее дискретность, обусловленная уничтожением разных артефактов [5, с. 23]. То же самое касается и культурного ландшафта.

та. Уничтожение одних топографических элементов и появление новых способствует генерации разных смыслов и созданию всё новых интерпретаций ландшафта как текста.

Согласно исследованию О. А. Лавреновой, культурный ландшафт «может быть интерпретирован как метафора, его элементы могут выступать в роли метафорических моделей и в роли цели метафорической проекции, определяя основу дискурсивных практик в пространстве для каждого из носителей культуры» [10, с. 13]. Культурный ландшафт объединяет множество метафор, символов, знаков, постоянно взаимодействующих друг с другом. Ландшафт может быть интерпретирован как текст в его широком культурологическом значении, как послание культуры самой себе [10, с. 13].

Все тексты данной культуры включены в состав культурной памяти. Культурная память панхронна, то есть объединяет одновременно все тексты разного времени создания, как общекультурные, так и индивидуальные. Культурная память противостоит времени, сохраняя прошедшее как пребывающее, сохраняя как элементы культурного пространства, так и возможность их актуализации [11, с. 201].

Коллективная память культуры и индивидуальная память индивида могут строиться по двум системам: системе мест и системе смыслов. Эти системы были рассмотрены Ф. Йейтс в ее книге «Искусство памяти».

Еще с античных времен известна прославленная Цицероном память, сформированная по системе мест [7, с. 13]. Первым, кто практиковал ее, был знаменитый греческий поэт Симонид. Вот что рассказывает о нем Цицерон в произведении «Об ораторе»:

«Рассказывают ведь, что однажды Симонид, ужиная в Кранноне у знатного фессалийского богача Скопы, пропел в его честь свою песню, в которой, по обычаю поэтов, много было для красоты написано про Кастора и Поллукса. Скопа, как низкий скряга, сказал, что заплатит ему за песню только половину условной платы, остальное же, коли угодно, Симонид сможет получить со своих Тиндаридов, которым досталась половина его похвал. Немного спустя Симонида попросили выйти: сказали, будто у дверей стоят двое юношей и очень желают его видеть. Он встал, вышел и никого не нашел, но в это самое мгновение столовая, где пировал Скопа, рухнула, и под ее развалинами погиб и он сам, и его родственники. Когда друзья хотели их похоронить, но никак не могли распознать раздавленных, Симонид, говорят, смог узнать останки каждого потому, что он помнил, кто на каком месте возлежал. Это вот и навело его на мысль, что для ясности памяти важнее всего распорядок» [16, с. 201].

В те времена, когда письменность была доступна не всем, память играла гораздо большую роль, чем сейчас. Симонид открыл, а последующие ораторы и риторы использовали систему мест для формирования памяти. Теоретические основы и практические советы такой системы изложены в трактате времен Цицерона «К Гереннию» [7, с. 16]. Суть системы мест заключается в том, что для запоминания чего-либо нужно вспомнить хорошо тебе известное место и поместить туда то, что ты хочешь запомнить. Место это должно быть комнатой, помещением, не очень большим, хорошо освещенным, таким, чтобы человек там не терялся. Если нужно запомнить несколько мыслей, нужно иметь в памяти несколько помещений, причем порядок следования по этим помещениям должен быть фиксированным. Человек раз и навсегда запоминает, в какую комнату идет

сначала, в какую потом. Таким образом, порядок изложения речи сохранится – оратор просто прогуливается по этим комнатам и в каждой находит то, что там оставил.

Запоминать идеи нужно в виде каких-то образов, требуется составить образ символический, необычный и яркий. Например, если нужно говорить о скупости, пусть в соответствующей комнате сидит какой-нибудь Гарпагон скупец со всеми отвратительными подробностями своего облика. Войственность – это Марс, гневливость – Ахиллес, любовь – Венера, и так далее. Образы могут быть не общепринятыми, а своими собственными, как человеку удобней запоминать, но всегда они должны быть выразительными и даже гротескными, с яркой деталью, которая бы удерживалась в памяти.

Искусство это развивалось двумя путями. Первый и основной вариант – хранить образы в реальных местах. Античные города в архитектурном отношении были прекрасны, и там всегда можно было найти соответствующий тихий уголок. Это мог быть храм, какой-то дом, что-нибудь, где есть много комнат. Нужно было уложить в памяти эти комнаты так, чтобы их порядок и их убранство зафиксировались там навсегда, это основа, на которой будет строиться память. Эти комнаты оратору придется заполнять разными образами снова и снова, в зависимости от того, какую речь он хочет сказать, что он хочет запомнить. Некоторые ораторы имели в памяти тысячи таких комнат, об одном рассказывают, что у него было сто тысяч таких мест.

Второй путь развития предполагал использовать вымышленные места. Первый вариант такой памяти известен был тоже в античности. Это система Метродора из Скопаса, в которой использовался зодиак [7, с. 40]. Основные требования выполняются – порядок фиксированный, можно связать нужные образы с образами созвездий. Этот вид памяти особенно бурно развивался в Возрождение, такая память использовалась многими ренессансными магами, а Джордано Бруно, согласно исследованию Йейтс, был одним из величайших мастеров памяти эпохи Возрождения [7, с. 44].

В Средние века благодаря трудам Альберта Великого и Фомы Аквинского хорошая память становится этически окрашенной [7, с. 81 и сл.]. Память признается частью добродетели. Хорошая память нужна, чтобы удерживать в памяти пороки и добродетели и соответственно наказания и награды за них. Далее Йейтс высказывает замечательную догадку о том, что средневековые церкви специально строились как такие места памяти [7, с. 74]. Возможно, гротескные и странные фигуры готического искусства вызваны к жизни не тем, что тогдашние художники и скульпторы не умели изображать человека реалистически, а тем, что по учению о памяти образы должны быть странными, необычными, запоминающимися. Более того, если читать Божественную Комедию зная учение о памяти, невозможно отделаться от мысли, что Данте создал свою поэму в соответствии с правилами памяти – вымышленные места для добродетелей и пороков, расположенные в фиксированном порядке и заполненные яркими образами [7, с. 122].

Еще в античности появилась и критика этого учения. Квинтиллиан писал, что такая система перенапрягает память, человек, по сути, запоминает в два раза больше, чем это действительно нужно. Повторение и размышление над темой – вот залог хорошей памяти [7, с. 41]. Учение Квинтиллиана о памяти не было известно в Средние века, его работу издали только гуманисты в Возрождение, ко-

гда образная память процветала и заполонила всё культурное пространство. В это время системы памяти были прочно связаны с герметизмом, каббалой и всякого рода магией. Вымышленные места, которые использовали тогдашние мастера памяти, отнюдь не ограничивались зодиаком, а охватывали множество разнообразных оккультных символов и идей. В рамках борьбы с этим мощным оккультным прорывом велась борьба и с образной памятью.

Новую системы памяти разработал протестант Пьер Раме [7, с. 296 и сл.]. Он был убит в Варфоломеевскую ночь, что усилило интерес к его теории в протестантских странах. Суть этой методики сводилась к повторению и уяснению логических связей с помощью наводящих вопросов. Такая память строится по системе смысловых связей. Рамистская память, созданная по системе смысла, была особенно популярна в Англии. Протестанты одновременно уничтожали нечестивые образы в церквях и нечестивые образы в памяти.

У современных людей рамистская память, поскольку на ее основе строится школьное образование. Старая система памяти, система практикуется самоучками безо всякой теоретической основы. Память культура строится по системе мест, роль мест (топосов) выполняют важные исторические события, деятели, произведения искусства и конкретные топографические объекты. Память культурного ландшафта также строится на основе системы мест, где топосами выступают объекты пейзажа и/или их топонимы. Индивидуальную память человек выстраивает по-разному, и может создавать также на основе системы мест, когда воспоминания группируются по ассоциации с местом, где происходили какие-то события, связываются с любимым произведением, с важными событиями жизненного пути человека.

В современном мире роль культурной памяти меняется. Память динамизируется. Как показывает французский исследователь П. Нора, в мире «футурошока» мнемонические места исчезают, поэтому история отказывается от роли связующего звена между прошлым и будущим [1, р. XVII–XIX]. Места памяти, двести лет назад сравниваемые с родниками, для современных ученых являются зеркалами, в которых люди когда-то пытались себя увидеть. Места памяти имеют то значение, которое приписывали им те, кто к ним обращался. Описывая образы, связанные с историческими местами памяти, ученые признают, что такие топосы могут представлять «самые разные, подчас несвязанные друг с другом традиции, так как эти места использовались неоднократно и совершенно по-разному» [1, XXXIII, XLI–XLII].

В современном обществе роль памяти меняется благодаря не только письменности, которой владеет большинство населения, но и благодаря информационным технологиями. Информатизация общества «не только обнаруживает границы того пространства, в котором Йейтс расположила искусство памяти; она создает также особый контекст для изучения истории памяти» [12, с. 55]. Коллективная память устной традиции «уступила место интроспективной личной памяти письменной культуры. Память, которую сначала понимают как повторение, в конечном счете, воспринимается как воспоминание. С течением времени представление о памяти как о привычке сменяется ее оценкой в качестве репрезентации» [12, с. 60–61].

Таким образом, в современной культуре роль индивидуальной памяти возрастает. Современный человек включен в межкультурное взаимодействие на разных уровнях, ему открыты сокровища разных культур, он постоянно действу-

ет в информационном пространстве, насыщенном культурными ментифактами. Этот материал современный человек использует для создания индивидуальной памяти, применяя как системы места, так и систему смысла.

Рассмотрим создание индивидуальной памяти на основе системы мест в случае Марины Цветаевой. Творческое наследие Цветаевой безгранично, и мы не ставим себе целью охватить всё его многообразие. Ограничимся сицилийским культурным ландшафтом, который интересен тем, что Цветаева прочитывала его и согласно стратегии путешествия, и путем создания литературных текстов о нем. В результате получилась система мест, инвертированная по отношению к системе мест культурной памяти русской и европейских культур.

Культурный ландшафт Сицилии включен в ядро античной культуры с древнейших времен. Как показывает исследователь творчества Цветаевой М. М. Кононова, современникам Цветаевой, русским поэтам и деятелям культуры, было известно о месте Сицилии в культурной памяти античности, и Цветаева была знакома с этим интерпретациями [9, с. 142].

Еще на заре времен, в самом древнем слое архаичной древнегреческой мифологии Сицилия предстает как место, где хранится серп Кроноса, отца Юпитера, оскотившего им своего отца, бога старшего поколения Урана. На Сицилии находилось жилище Персефоны, с Сицилии дочь Деметры похитил Плутон и унес ее в подземное царство, где она стала царицей царства мертвых. Как видим, в античной мифологии Сицилия оказывается местом, где разворачиваются древнейшие сюжеты человеческого бытия, сформировавшие мир таким, каким его знает человек античности: мир с олимпийскими богами, в котором все люди смертны и пойдут вслед за Персефой.

На Сицилии жил и действовал один из ярчайших представителей древней философии, Эмпедокл. Эмпедокл представлял собой одного из последних представителей древней магии. Э. Доддс считает, что Эмпедокл не только верил в магию, но и практиковал ее, и был не столько философом, сколько волшебником. Эмпедокл выступает как последний мудрец архаичного склада, который не только знает какие-то истины, но и способен исцелять больных, владеет секретом бессмертия и так далее [6, с. 151–152]. Для доказательства того, что он имеет божественную природу, Эмпедокл бросился в жерло Этны, чтобы его труп не нашли, а его почитатели уверовали в его бессмертие. Сицилия – это также земля Пифагора, куда основатель философии бежал от преследований тирана. В Сиракузах на Сицилии жил величайший ученый античного мира Архимед. Таким образом, в исторические времена Сицилия проявляет себя как пространство борьбы древних архаичных верований и нового философского взгляда на мир, причем в историческом плане побеждают силы разума, а не магическая линия Эмпедокла.

Сицилия постоянно является местом межкультурного взаимодействия разных народов: после падения Западной Римской империи остров захватывают византийцы, арабы, викинги, германцы, испанцы и другие народы. На Сицилии постоянно смешиваются разные культуры, и каждый элемент культурного ландшафта Сицилии входит в целый ряд текстов и гипертекстов, семантически связывающих разные исторические и географические горизонты.

Однако из всего многообразия сицилийской культуры Марина Цветаева заметное место в творчестве Цветаевой занял только один топоним – вулкан Эт-

на, а сама Сицилия в ее творчестве оказалась вырвана из контекста межкультурных символических связей и помещена в пространство сна и дикой природы.

Цветаева посетила Сицилию во время своего свадебного путешествия с Сергеем Эфроном в 1912 году [9, с. 140]. К сицилийскому ландшафту Цветаева обращается в своем творчестве позднее, в 1923–1925 гг., когда важное место в ее образности начинает занимать извергающийся вулкан, конкретизированный в Этне и Везувии [9, с. 286]. Во время поездки на Сицилию Цветаева реализует стратегию путешествия для уяснения семантических связей между элементами сицилийского ландшафта. В период обращения к Сицилии в своем творчестве Цветаева применяет другую стратегию – изучения и создания литературных текстов о данном ландшафте.

Во время своей поездки Цветаева полностью проигнорировала культурный контекст сицилианского ландшафта и воссоздала в своих записях Сицилию как пространство сна, сонного видения. Цветаева пишет, что воздух в Сицилии – из сна. На Сицилии человек попадает в пространство, сформированное безымянными элементами природы: бок скалы, беспощадное небо, гигант без имени, крайности природы. Для Цветаевой Сицилия – сон [13, с. 116–117]. Таким образом, культурный ландшафт Сицилии воспринимается автором как часть первоначального хаоса. Скалы, растительность, небо могут принадлежать не Сицилии, а любому другому безымянному месту до начала времен, вне истории и культуры. Так для Цветаевой Сицилия становится местом вне времени, областью сна, где хаотически соединяются разные элементы. Стратегия путешествия была использована поэтом не для считывания и усвоения имеющихся в ландшафте смыслов, а для создания собственной интерпретации ландшафтного текста.

В период обращения к образу Сицилии и Этны в своем творчестве Цветаева реализует другую стратегию осмысления ландшафта. На ее восприятие Сицилии в это время очень сильно влияет поэзия Гёльдерлина. Влияние Гёльдерлина. Тема Этны и Эмпедокла является ключевой в творчестве немецкого поэта. Гёльдерлин обращался к ней неоднократно. Он создал стихотворение «Эмпедокл», драматические произведения «Смерть Эмпедокла» и «Эмпедокл на Этне» [9, с. 292]. В творчестве Гёльдерлина Эмпедокл предстает как человек, вырванный из обычного круга человеческих отношений, стоящий вне и выше общества. Томский ученый С. Аванесов в работе «Философская суицидология» подчеркивает связь между божественностью и самоуничтожением, которую Гёльдерлин воплощает в образе Эмпедокла.

Идеи Гёльдерлина и его образность оказали влияние и на Цветаеву. Для русской поэтессы оказалась важной мысль об исключительном человеке, который стоит вне общества. В ее поэтическом мире человека ставит на такую высоту поэтический дар, способностью выразить в слове сущность мироздания. Символом таких возможностей становится Эмпедокл и Этна, где он погиб.

Образы вулкана, извержения, лавы, Этны и Везувия становятся «одними из наиболее распространенных в поэтическом космосе Марины Цветаевой» [9, с. 282]. Гармоничное сочетание горы и огня является для нее максимально адекватным воплощением самой идеи поэзии. В других произведениях гора выступает как метафора любви, страсти, чувства, заставляющего человека выйти за свои пределы.

Литературовед Т. Е. Барышникова показывает, что для Цветаевой Этна является символом мировосприятия, близкого ей как человеку и личности «есть

Этна и Везувий, а они хотят в Москву». Этна и Москва оказываются символами противоположных мировоззрений. Этна символизирует природную необузданность, масштабность страстей, подлинность бытия. Москва, чеховский символ, выступает как образ окультуренной и загнанной в рамки жизни. Чеховский идеал для Цветаевой фикция. Сюжетам Чехова Цветаева противопоставляет собственное мифотворчество [3, с. 155]. В мифопоэтическом мире Цветаевой сицилийский ландшафт становится символом стихии, страсти, природы, неподвластной цивилизации.

Этна как символ любви, которая сильна как смерть, возникает в стихотворении 1923 года «Расщелина»:

Из сокровищницы подобий

*Вот тебе — наугад — гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь, — во мне как в глубокой ране*

*Спишь, — тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень — панцирь — печать — и пояс...
Без возврата и без отзыва.*

*Зря Елену клянёте, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочишь коей...*

*Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст [15, с. 257].*

Первозданная сила любви и творчества сливаются в образе Этны в стихотворении «Строительница струн – приструню...», посвященном Пастернаку. Как указывает М. М. Кононова, из окончательной редакции Цветаева исключила несколько строк об Этне [9, с. 290]. В этих строках снова возникает образ Этны:

*А молнии! Какой пожар в них!
Град, говорят, — всесветн!
(Ты продвиженье льдов полярных,
Ты — изверженье Этн!)*

*Нет, я щедрот таких не стою,
(Дом — тонет, сонмы крыс...)
Хранительница бурь, пристрою
И эту... Отступись*

*Мне в душу. — Эмпедоклом в Этну!
В ней, говорят, краснó!
<Так погибать — честнó!>*

*Сокровища мои — несметны...
Друг, опусти письмо!* [14, с. 509].

Таким образом, используя две стратегии чтения ландшафтного текста, Цветаева создала два связанных между собой образа Сицилии: во время путешествия в ее поэтическом мире возникла Сицилия как сон, а во время изучения литературных текстов о Сицилии, в частности, поэзии Гёльдерлина, Цветаева создает собственные тексты, где Сицилия выступает как пространство дикой природы и подлинных человеческих страстей. В обоих случаях Сицилия оказывается вырвана из культурного контекста, в котором она существует с античных времен. Богатая история острова игнорируется поэтом. Из всего многообразия сицилийских сюжетов автор выбирает историю Эмпедокла и толкует ее как парадигмальный образец торжества стихийного природного начала в жизни человека.

Итак, для формирования индивидуальной памяти, выраженной в поэтических текстах, Цветаева использует систему мест. Сицилия предстает как топос в ее системе памяти. Тем не менее систему мест автор использует очень оригинально, необычно, инвертируя привычный образ Сицилии, сохранившийся в культурной памяти, и создавая собственную интерпретацию ландшафтного текста. В этой интерпретации культурного ландшафта Сицилии единственным важным и заметным топосом является вулкан Этна, символизирующая силу поэтического таланта и любви как источника жизни. Остальные элементы культурного ландшафта теряют имя, становятся вневременным пейзажем из пространства сна и дикой природы.

Создание сицилийского ландшафта в творчестве Цветаевой показывает нам одну из стратегий формирования индивидуальной памяти – использование системы мест, наполненных оригинальных, глубоко индивидуальном содержанием. Благодаря таланту поэта созданный Цветаевой мифопоэтический ландшафт Сицилии входит в культурную память и участвует в генерировании новых интерпретаций, изучение которых является перспективной задачей последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ:

1. Nora P. Entre mémoire et histoire, in Les Lieux de mémoire. Tome 1. Paris : La République, Gallimard, Paris, 1984.
2. Аванесов С. Философская суицидология. Курс лекций [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/suicide/lek5.htm (дата обращения: 15.10.2021).
3. Барышникова, Т. Е. Чехов в поэтическом сознании М. Цветаевой // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой. XII Международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 2004 года). М., 2005. С. 149–155.
4. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как хранитель исторической памяти Земли // Региональные проблемы. 2018. Т. 21, № 3. С. 28–34.
5. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как хранитель памяти ойкумены // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1(36). С. 21–37.

6. Доддс Е.Р. Греки и иррациональное. М., СПб., 2000. 507 с.
7. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб. : Университетская книга, 1997. 480 с.
8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
9. Кононова М. М. Итальянский отзвуки в творческой судьбе Марины Цветаевой. СПб. : Алетейя, 2010. 424 с.
10. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта : автореф. ... д. филос. н. : 24.00.01 – Теория и история культуры. М., 2010. 39 с.
11. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 200–202.
12. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. 422 с.
13. Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М. : Эллис Лак, 1997. 640 с.
14. Цветаева М. И. Собрание сочинений. Т. 2. М. : Эллис-Лак, 1994. 597 с.
15. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сот. и комм. А. А. Саакянц. М. : Правда, 1991. 688 с.
16. Цицерон. Об ораторе // Он же. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972. С. 75–252.

REFERENCES

1. Nora P. Entre mémoire et histoire, in *Les Lieux de mémoire*. Tome 1. Paris : La République, Gallimard, Paris, 1984. [fr].
2. Avanesov S. Filosofskaja suidologija. Kurs lekcij [Philosophical Suicidology]. Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet. URL: https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/suicide/lek5.htm [ru].
3. Baryshnikova, T. E. Chehov v pojeticheskom soznanii M. Cvetaevoj [Chekhov in the Poetic Consciousness of M. Tsvetaeva]. *Stihija i razum v zhizni i tvorcestve Mariny Cvetaevoj*. XII Mezhdunarodnaja nauchno-tematicheskaja konferencija (9–11 oktjabrja 2004 goda). M., 2005. P. 149–155. [ru].
4. Vedenin Ju. A. Kul'turnyj landshaft kak hranitel' istoricheskoy pamjati Zemli [Cultural Landscape as a Keeper of the Historical Memory of the Earth]. *Regional'nye problemy*. 2018. T. 21, № 3. P. 28–34. [ru].
5. Vedenin Ju. A. Kul'turnyj landshaft kak hranitel' pamjati ojkumeny [Cultural Landscape as the Keeper of the Memory of the Ecumene]. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty*. 2019. № 1(36). P. 21–37. [ru].
6. Dodds E.R. Greki i irracional'noe [Greeks and the Irrational]. M., SPb., 2000. 507 p. [ru].
7. Yates F. *Iskusstvo pamjati* [The Art of Memory]. SPb. : Universitetskaja kniga, 1997. 480 p. [ru].
8. Kaganskij V.L. Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v rossijskoj geografii [Cultural Landscape: Basic Concepts in Russian Geography]. *Observatorija kul'tury*. 2009. № 1. P. 62–70. [ru].
9. Kononova M. M. Ital'janskij otzvuki v tvorcheskoj sud'be Mariny Cvetaevoj [Italian Echoes in the Creative Destiny of Marina Tsvetaeva]. SPb. : Aleteijja, 2010. 424 p. [ru].

10. Lavrenova O.A. Semantika kul'turnogo landshafta [Semantics of the cultural landscape] : avtoref. ... d. filos. n. : 24.00.01 – Teorija i istorija kul'tury. M., 2010. 39 p. [ru].
11. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii [Memory in Culturalogical Illumination]. Izbrannye stat'i v 3 t. Tallin : Aleksandra, 1992. Tom 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. P. 200–202. [ru].
12. Hatton P. H. Istorija kak iskusstvo pamjati [History as the Art of Memory]. SPb.: Vladimir Dal', 2004. 422 p. [ru].
13. Cvetaeva M. I. Neizdannoe. Svodnye tetradi [Unreleased. Summary notebooks] M. : Ellis Lak, 1997. 640 p. [ru].
14. Cvetaeva M. I. Sobranie sochinenij [Collected Works]. T. 2. M. : Ellis-Lak, 1994. 597 p.
15. Cvetaeva M. Stihotvorenija. Pojemy [Verses. Poems]. Vstup. st., sot. i komm. A. A. Saakjanc. M. : Pravda, 1991. 688 p.
16. Cicero. Ob oratore [About the Speaker]. Cicero. Tri traktata ob oratorskom iskusstve. M. : Nauka, 1972. P. 75–252. [ru].

Информация об авторе: Ищенко Нина Сергеевна, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, тел.: (0642) 50-14-49, info_lu@lgpu.org, SPIN-код автора: 9573-5265, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8616-7087>, e-mail: niofterna@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nina S. Ishchenko, Associate Professor at the Philosophy Department, PhD in Philosophy, Luhansk State Pedagogical University, 91011, Luhansk, Oboronnaya str. 2, tel.: (0642) 50-14-49, info_lu@lgpu.org Luhansk, LPR

SPIN-код автора: 9573-5265,
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8616-7087>,
e-mail: niofterna@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 17.09.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 23.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests.

© Ищенко Н.С. 2021
© «Культурный ландшафт регионов». 2021